

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 120-129. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.120
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I

Ivan A. Ermachkov^{a,*}, Larisa A. Koroleva^b, Natalia V. Svechnikova^c, Jasmin Gut^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the plague epidemic in the Caucasus in the period of 1801–1815. The attention is paid to the reasons of spreading the plague, and the efforts of the Russian administration in the case of its overcoming.

There were used as materials the archival sources of the Central state historical archive of Georgia, the sources of personal origin of emissaries, scouts and travelers who lived in the Caucasus, as well as scientific and reference literature.

In the course of the research the authors applied the general scientific traditional methods, namely the method of system analysis, specification and generalization. The particular importance in the study is given to the concretization of particular aspects, namely the concretization and detailing of historical events allowed the authors to model the integral picture of the events. So, for example, it allowed to reveal the reasons of weak efficiency of fight against plague in the Caucasus in the initial period of its spreading.

The authors stated in conclusion that since Georgia's accession to the Russian Empire, the Russian administration has pursued its policy in the Caucasus in extreme terms of the plague epidemic. The adopted measures managed to localize some foci, but soon new broke out. The reasons for this were the trade relations between the population of the Caucasus, as well as numerous of local traditions and rituals. In some places, the death rate from plague was very high. For example, in Kabarda, the plague has reduced the population on 80 %.

Keywords: epidemic, plague, 1801–1815, Caucasus, Georgia, Kabarda, Cherkessia, the rites of the population, tradition.

1. Введение

Чума на Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв. не была исключительным явлением в жизни кавказских народов. Согласно имеющимся данным на Кавказе в XVIII веке были как минимум три эпидемии чумы, а именно в: 1706, 1760 и 1790 гг., помимо этого фиксировались и отдельные очаги, например, в Моздоке в 1772 и 1798 гг. (Котенев и др., 2016: 613). Крупная вспышка была и в Черкесии в 1796 г. (Туренко, 1887: 41). Локализация чумы в годовых интервалах, представленная в работе Котенева и других, носит, на наш взгляд, спорный характер, так как чума не находилась постоянно в одной местности, а распространялась благодаря разносчикам дальше по территории Кавказа. В данной статье мы хотели бы рассмотреть историю чумы на Кавказе в начале XIX века.

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), источники личного происхождения эмигрантов, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература.

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы, а именно метод системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволяет нам смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это позволило выявить причины слабой эффективности борьбы с чумой на Кавказе в начальный период ее распространения.

3. Обсуждение

В российской и зарубежной историографии чума на территории Кавказа в самом начале XIX века не получила значительного освещения. Тем не менее, эпизодические упоминания о ней имеются в значительном количестве работ. Так, например, в работе Н.Г. Волковой об этническом составе населения Северного Кавказа (Волкова, 1974: 20), имеются упоминания о чуме на Северном Кавказе в работах А.А. Черкасова и др. (Cherkasov et al., 2016). В общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе, эту тему рассмотрел Е.С. Котенев с авторским коллективом (Котенев и др., 2016). Изучению эпидемий чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров (Хайдаров, 2017). Чума проявлялась на Кавказе и в период царствования Петра I. Так она была зафиксирована в районе крепости Св. Креста, в начале 1720-х гг. (Gvarliani et al., 2017: 41). Эпизодическое внимание распространению чумы с территории Черкесии на русскую территорию уделил А.М. Туренко. Так автор отмечал, что в 1796 г. черноморские казаки отправились к черкесам для обмена соли на хлеб и оттуда внесли на русскую территорию моровую язву. Язва распространилась среди жителей Екатеринодара, Тамани и многих страниц и держалась более 3 месяцев и стоила большого количества жизней (Туренко, 1887: 41). Вопросы распространения чумы в период русско-турецких и русско-персидских войн нашли свое отражение в трудах А.А. Черкасова с авторским коллективом (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a).

4. Результаты

Население Грузии было еще под впечатлением свирепствовавшей в самом конце XVIII столетия чумы или моровой язвы, когда в августе 1800 года в Тифлис проникли слухи, что на турецкой границе в Ахалцихе снова появилась чума. Слух оказался справедливым, и в декабре того же года случаи чумы были зафиксированы в Имеретии и Джавахетии. Грузинское правительство к защите границ Грузии от заноса чумы никаких мер не принимало, почему генерал-майор Лазарев в сентябре 1801 года, следовательно через год после первых известий о чуме в Ахалцихе, предложил учредить карантин по ахалцихской дороге, верстах в 6 от Сурама, куда просил послать из окрестных селений 20 человек грузин при надежном князе для надзора за дорогой, от войск же он назначил команду для производства окуривания всех идущих и едущих.

В декабре 1801 года чума широко распространилась в Турции по границе с Карталинией и особенно сильно свирепствовала в Ахалцихе, Ацхури, Оморе и Аспиндзе. Оттуда она пробралась в Имеретию и появилась в деревнях Хони и Хараскури (Котенев и др., 2016: 613). Пограничные грузинские владельцы не только не принимали мер против эпидемии, но открыто говорили, что чума есть единственное средство выгнать русских из Грузии (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 50). Обеспокоенный таким положением дел Лазарев сделал серьезные представления Главноуправляющему генерал-лейтенанту Кноррингу о мерах против чумы и получил разрешение действовать самостоятельно, пограничных же грузин, не выполняющих меры предосторожности из высшего класса брать в Тифлис и предавать суду, как нарушителей общественного спокойствия, а из низшего класса подвергать публичному телесному наказанию по грузинским обычаям. Кнорринг находил достаточным открыть два карантина, один со стороны Ахалциха, а другой на границе с Имеретией, но непременно под надзором врачей, которые «могли бы окуривать депеши и отправлять по принадлежности». Лазарев же поручил подполковнику Симоновичу, стоявшему с батальоном в Гори, отрядить от батальона команды в места, более посещаемые проезжающими, и учредить караулы по проезжим дорогам с частыми разъездами конных казаков. Симонович поставил со стороны Имеретии команды в трех пунктах: в Бредзе 16 нижних чинов при одном офицере, в Тесери 11 нижних чинов и за Замцевризом 7 нижних чинов (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 50-500б.).

А чума все же проникла в Грузию. Это случилось в 1802 году после назначения Главноуправляющим Грузией и Кавказом князя Цицианова. Первые случаи появились в Джавахетии среди мусульманского населения деревни Чилдир осенью, а затем вскоре стали заболеть чумой жители дер. Болнис, где квартировала рота Тифлисского мушкетерского полка капитана Ребиндера. Заболевших чумой нижних чинов этой роты отправили в полковой лазарет, находившийся в сел. Коды, куда доставлялись все вообще больные из рот этого полка, расквартированных поблизости. Когда жители селения, спасаясь от чумы, начали разбегаться по лесам, стоявший там с ротой майор

Монтрезор также поспешил уйти из зараженного селения. Лазарет закрыли, бывших же в нем больных со всеми их вещами разослали по ротам и таким путем образовали новые очаги заразы.

Князь Цицианов еще до прибытия в Грузию получал донесения о появлении заразительной болезни от военного начальника в Грузии генерал-майора Лазарева и от гражданского правителя Грузии Коваленского, но донесения эти были так разноречивы, что разобраться в них было весьма затруднительно. Когда Лазарев писал о том, что чума свирепствует, Коваленский совершенно отрицал ее существование, и, наоборот, когда Коваленский сообщал о страшных последствиях от появившейся болезни, Лазарев рапортовал, что она уже исчезла. К счастью, заведовавший горно-промышленной частью на Кавказе, граф Мусин-Пушкин со своей стороны сообщил Цицианову о появлении в Грузии моровой язвы, и это сообщение убедило князя, что там что-то неблагополучно, хотя, по-видимому, он все еще не хотел верить, что появившаяся болезнь была чума. Да и бывшие в то время в Грузии врачи не признавали ее за чуму и в своих донесениях называли ее обыкновенной горячкой, хотя тифлиские жители, не так давно перед тем перенесшие чумную эпидемию, уверяли, что появившаяся болезнь имела все признаки чумы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 51). Для выяснения дела Лазарев предложил Коваленскому сообща отправиться в Коды и лично освидетельствовать больных совместно со всеми наличными врачами, но Коваленский отговорился невозможностью за делами отлучиться из Тифлиса и командировал вместо себя Советника Верховного Грузинского Правительства князя Херхеулидзе и гражданского чиновника Лофицкаго. Обидясь отказом Коваленского, Лазарев также не поехал в Коды и отправился встречать Цицианова, приближавшегося к границам Грузии.

Таким образом, спорный вопрос о характере появившейся повальной болезни остался открытым, и все дело борьбы с ней было взвалено на бессильную уездную полицию. Тем не менее, 24 декабря 1802 года князь Цицианов донес императору о появившейся в Грузии болезни, а в представлении Министру внутренних дел графу Кочубею просил о назначении и высылке всех медицинских чиновников по штату Грузинского Правления, так как большая половина медицинских вакансий оставалась незанятой.

Зимой чума затихла. К началу жатвы 1803 года жители сел. Коды возвратились из лесов по домам, и чума не преминула снова обнаружиться там сначала между жителями, а затем и среди нижних чинов Тифлиского мушкетерского полка в ротах майора Чегешева при серебряных Ахталских заводах и капитана Шестакова в деревне Узунляр близ медных Мисханских заводов. Почти одновременно чума появилась в полковом лазарете, который находился в сел. Караклис, и деревне Кигилак, отстоящей на 5 верст от Караклиса. Особенно сильно пострадала рота Чегешева, в которой смертность достигла значительных размеров. Обязанность хоронить умерших в ней возложили на двух рядовых, но те от страха убежали и 10 дней были в отлучке, скитаясь близ ротного лагеря. Граф Мусин-Пушкин, в ведении которого находились роты при заводах, приказал сжечь все казенные вещи, оставшиеся после первых пяти умерших от чумы, а отряд Чегешева с двухротным обозом вывести из селения Шинага и расположить около Шулавер, что и было исполнено 13 июля. До половины июля в этих ротах умерло от чумы 14 человек и к 15 июля оставалось 27 больных (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 51об.). Чегешев, донося князю Цицианову, рапортом от 14 июля, о движении в его отряде болезненности и смертности от чумы по 15 июля, просил приказания, как поступать с оставшимися после умерших казенными и частными вещами, высказывая вместе с тем опасение, что от них могут заразиться и другие.

В Тифлисе чума появилась 14 июня 1803 года. При грузинских царях в подобных случаях жители разбегались, кто куда хотел. И на этот раз грузинские князья первые поспешили оставить зараженный город и разъехались по своим деревням. Объятое паникой население города также стало было разбегаться, но Цицианов приказал запереть все городские ворота и без пропускных билетов никого не впускать в город и не выпускать из него. Вместе с тем врачи и городская полиция пытались изучить саму болезнь и ее причины. Врачи оказались большими оптимистами, и когда простой и невежественный народ чутьем, так сказать, констатировал чуму, они донесли Цицианову, что в городе имеются только гнилые воспалительные горячки, осложняющиеся иногда пятнами и нарывами. Горячкам этим, однако, придали свойство прилипчивых и повальных болезней, и для изоляции заболевших открыли городской лазарет с отдельным при нем лекарем (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 52).

Несмотря на старания князя Цицианова успокоить население, паника овладевала жителями все сильнее и сильнее. Желание во чтобы то ни стало уйти из города побуждало изыскивать тайные пути для ухода. Пример подало духовенство, которое закрыло церкви и тайком выбралось из Тифлиса. За священниками начали уходить купцы. Большинство лавок закрылось, торговля почти остановилась, и негде не было возможности купить лекарства. Восемь армянских макалаков¹ подали Цицианову коллективную просьбу, настоятельно требуя по прежним местным обычаям распустить весь город, объятый страхом, с позволением ехать, кто куда хочет. Макалаков арестовали, посадили на гауптвахту и продержали там сутки на хлебе и воде.

¹ Макалаки – почетнейшие граждане.

Народный ропот достиг той кульминационной точки, с которой начинается уже открытый бунт. К счастью, исполнявший в то время обязанности правителя Грузии генерал-майор Тучков пользовался любовью и доверием тифлисских жителей. Он явился к бушевавшей на улицах толпе и успокоил ее обещанием выпустить всех из города в Ортачальские сады. Трудно было добиться от князя Цицианова согласия на это, но Тучков все-таки получил его. На другой день после того толпа в 10 тыс. человек хлынула из городских ворот и разбрелась по Ортачальским и другим садам, расположенным по берегам Куры близ Тифлиса, так что в самом городе осталось не более 200 жителей, да нижние чины гарнизона, содержавшего караулы.

Никто не сомневался, что в Грузии чума, между тем Цицианов до конца июля все еще доносил императору, что это не моровая язва, а только прилипчивая горячка. В этом заблуждении поддерживал князя главным образом член-акушер Грузинской врачебной управы Фалькенштейн (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 53). Он предложил даже способ лечения этой болезни, который был применен на больных шефского батальона 17-го егерского полка и оказался, будто бы, весьма действительным. Фалькенштейну был поручен главный надзор над всеми лазаретами и, кроме того, его командировали на Алавердский завод, где чума особенно свирепствовала в расположенных там двух ротах Тифлиского мушкетерского полка, и где уже работал штаб-лекарь Лихачев.

Разбегавшиеся жители, уносившие с собой вещи и одежду умерших родственников, довольно быстро разнесли чуму по Грузии, исключая лишь один Сигнахский уезд. Прошло полтора месяца после появления чумы в Тифлисе, и эпидемия охватила уже города Душет, Гори и Телави с их округами (уездами). Заблуждение Фалькенштейна сыграло свою печальную роль. Грузинская врачебная управа в конце концов должна была сознаться в своей ошибке. Существование чумы в Закавказье было, наконец, признано официально 14 августа 1803 года, о чем Цицианов и донес императору. Таким образом, более полугодом понадобилось на то, чтобы врачи опознали чуму.

Хоть и с запозданием, но были приняты меры против эпидемии. Грузинская врачебная управа признала необходимость сжигать все мягкие вещи зараженных, кроме кожаных, но мера эта была санкционирована слишком поздно, надзор за ее выполнением был недостаточен, и, кроме того, не подвергавшихся уничтожению вещей из кожи, а также металлических и деревянных, которые считались неспособными сделаться носителями заразы, было более чем достаточно для распространения последней. Несомненно, что большая часть и мягких вещей после умерших от чумы утаивалась родственниками и продавалась или раздавалась беднякам. Тифлисской полиции удалось накрыть двух таких продавцов – одного тифлисского жителя, а другого казенного денщика. Так как по 232 ст. устава благочиния или полицейского разнос заразы считался уголовным преступлением против общественного здоровья, то оба подверглись строгому наказанию – жителя прогнали один раз сквозь строй в 1 тыс. человек, а денщика предали военному суду (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 53об.-54). Такие устрашающие меры не поправили дела. Утаивались не только вещи, но скрывали больных, которые так и умирали, не будучи зарегистрированы чумными.

Борьба с чумой вообще была крайне трудна, во-первых, по невежеству жителей, разбегавшихся в леса и горы при появлении подозрительных заболеваний, а во-вторых, по неустройству медицинской части во вновь занятом крае, где ощущался недостаток не только врачей, лекарств и прислуги для ухода за больными, но даже необходимых больничных вещей и посуды. Практиковавшиеся меры борьбы состояли в устройстве карантинных, обыкновенно сильно запаздывавшем, и дезинфекции вещей опрыскиванием уксусом и окуриванием. Сжигались вещи чумных нижних чинов только в случае смерти заболевших, после выздоровевших же подвергались примитивной дезинфекции.

С наступлением холодной и дождливой осени эпидемия начала повсюду постепенно ослабевать, но совершенно прекратилась только летом следующего 1804 года.

20 ноября 1803 года чума прекратилась в Гори, хотя в Горийском округе продержалась до мая следующего года. В конце декабря ее уже не было в Телави. В половине апреля 1804 года она исчезла из Ананура и, наконец, 1 июня из Тифлиса, продержавшись в последнем дольше всего.

Таким образом, чумная эпидемия просуществовала в Грузии с декабря 1802 года по июнь 1804 года, следовательно 1,5 года, и по собранным Исполнительной экспедицией Верховного Грузинского Правительства сведениям потери от нее составили по предварительным данным 1570 жертв. Число это, однако, далеко не полное, так как экспедиция не имела сведений о воинских чинах, погибших от чумы в Телавском, Ананурском,¹ Горийском и Лорийском уездах.

Умершие распределялись следующим образом:

В Тифлиском уезде 368 человек, из них воинских чинов 164, приказных служителей и мастеровых горной команды 12, жителей (грузин, армян и русских) 191 и лекарь 1.

В Лорийском уезде 382 жителя (грузины, армяне и татары).

В Телави 89 человек, из них воинских чинов 41, жителей 45 и семья Коменданта из 3 человек.

В Телавском уезде 75 жителей.

В Гори 49 жителей.

В Горийском уезде 249 жителей.

¹ При князе Цицианове уездным городом вместо Душета сделан был Ананур.

В Душете 102 человека, из них 25 воинских чинов и 77 жителей.

В Анануре 5 жителей.

В Ананурском уезде 251 человек, из них 4 воинских чина и 247 жителей (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 540б.).

Тем не менее, не будет ошибки увеличить официальную цифру жертв чумы по меньшей мере в 5 раз. Есть данные, что в Тифлисе с июля по ноябрь 1803 года, когда город был почти покинут жителями, умерших от чумы было до 500, а между тем по официальным данным их показано только 368 за весь год, в течение которого чума там держалась.

Конечно, соответственно мала и цифра умерших от чумы воинских чинов, так как в нее не вошли умершие в четырех уездах, но возможно, что в регистрацию их также вкралась какая-либо неточность. Всего зарегистрировано их 234 чел. Действительная цифра едва ли могла превышать показанную больше, чем в 2 раза, включая, конечно, и недостающие 4 уезда.

Всю тяжесть борьбы с чумой в Грузии вынесли на своих плечах войсковые лекаря, так как гражданских врачей было крайне мало и по штатам, да к тому же больше половины штатных мест пустовало. Князь Цицианов по достоинству оценил усердие полковых лекарей, и по его представлению 12 из них удостоились Высочайшей награды. «В уважение подвигов, оказанных в сем происшествии» они были пожалованы чином титулярного советника, и, кроме того, повелено было «в уважение отдаленности края и малого жалования, получаемого ими» выдать им единовременно не в зачет годовые оклады жалования из сумм, остающихся от неполного комплекта в армии медицинских чинов.¹

Появление чумной эпидемии в Грузии в первые годы по присоединении последней к России указало сразу на довольно значительную опасность иметь непосредственным соседом мусульманские государства – Турцию и Персию. Если русская администрация не сумела оградить территорию от вторжения чумной эпидемии, то следовало позаботиться об этом на будущее время. Вся надежда тогда возлагалась на карантинно-таможенные заставы, которые должны были оградить Грузию: 1) в Сураме – со стороны Имеретии, 2) в старой разоренной крепости Цалк – со стороны Ахалциха и Джавахетии, 3) в Караклисе – со стороны Карса и Эривани и 4) в Шамгиадиле – со стороны Ганжи (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 55-550б.). Но Ганжинское ханство в начале 1804 года вошло в состав русских Закавказских владений, и потому вместо Шамгиадила для карантинно-таможенной заставы предназначили Ганжинскую крепость, переименованную в Елисаветполь.

Необходимые суммы на постройку зданий для карантинно-таможенных застав в размере 50 тыс. рублей и на содержание их и карантинной канторы в количестве 12860 рублей были отпущены в том же 1803 году. Князь Цицианов предполагал открыть их 1 сентября 1804 года, потом открытие отложили до января 1805 года, и все же и тогда не удалось сделать это «по замешательствам в Грузии, за неимением чиновников и неприсылкою цолнера²».

Россия защитилась от заноса чумы карантинном в Моздоке. Там всех ехавших из Грузии окуривали в течение 6 дней³. Северный Кавказ оставался совершенно открытым, и чума, перешагнув в 1804 году через Кавказский хребет, быстро распространилась в селениях сначала Малой, а затем и Большой Кабарды. Сильно свирепствуя, она опустошала целые аулы, большая часть жителей которых вымирала, оставшиеся же в живых разбежались. Особенною жестокостью отличалась эпидемия в Малой Кабарде, на пространстве между Владикавказом и Моздоком. Племена Гилегсанговой фамилии, жившие по грузинскому тракту, почти все вымерли. Из них осталось только два владельца и незначительное количество населения.

Расположенные в обеих Кабардах войска тотчас же были выведены и в числе их Волгский казачий полк, казаки которого, уходя, увезли с собой вещи, награбленные по аулам, очевидно уже зараженным. Они то и привезли чуму на Кавказскую Линию. В мае 1804 года заболевания, прежде всего, появились в Александровской станице Волгского казачьего полка. Другим источником заноса чумы на Линию были чеченцы, которые с целью грабежа ездили по вымершим и вымиравшим кабардинским аулам, собирали оставшиеся после умерших от чумы вещи и возили их на продажу в деревни, расположенные на Линии – Андреевскую и Аксаевскую (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 56). Таким образом, очаги заразы на Кавказской Линии возникали постепенно. В 1804 году их было еще немного, хотя чума уже сильно поражала аулы близ Бештовых гор и в том числе Бабуков аул, отстоявший от гор. Георгиевска только на 4 версты. В следующем 1805 году эпидемия

¹ Вот список награжденных лекарей: Кавказского гренадерского полка Сергеев Петр и Томашевич Петр; 9-го егерского полка Кораллий Дмитрий и Маслович Лев; 17-го егерского полка Троицкий Матвей, Пилькевич Иван, Яковлевский Григорий; Кабардинского мушкетерского полка Грушинский Гавриил; Севастопольского мушкетерского полка Месбер Федор; Тифлисского мушкетерского полка Берестнев Алексей; Нарвского драгунского полка Казанский Михаил; 7-го артиллерийского полка Соловьев Василий.

² Цолнер – надзиратель над сбором таможенных пошлин.

³ Такой дезинфекции была подвергнута со всей свитой и Грузинская царица Дария, которую в ноябре 1803 года отправляли в Россию.

подвинулась несколько дальше на север, и летом сильно пострадали от нее аулы в окрестностях горячих вод близ крепости Контстантиногорской (ныне вода Пятигорья) и Павловская станица Волгского казачьего полка.

Опасаясь сильного распространения чумы, поставили кордоны по Тереку и по дорогам со стороны Малой и Большой Кабарды, а в Кизляре и станицах Прохладной и Червленной учредили карантинны. Сроки для карантинного очищения людей с их пожитками и товарами были удвоены. Кордонным начальникам было строго приказано никого не пропускать через вверенные им посты, минуя карантинны. Но строгие приказания и предписания не могли уже остановить поступательного движения чумы, и она распространилась по всей Кавказской Линии, в короткое время захвативши район протяжением в 450 верст. 23 мая 1806 года она была уже в Моздоке и Георгиевске, а через год, то есть в марте 1807 года, чумой были поражены в сильной степени четыре уезда Кавказской губернии со всеми городами, станицами и селами. Заболеваемость и смертность были весьма велики, как между жителями, так и среди воинских чинов. В трех ротах Казанского мушкетерского полка в 25 дней, с 1 по 26 марта, умерло 176 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 560б.). Во Владикавказском гарнизонном полку чума поразила значительное число нижних чинов, и многие заболели ею, стоя на часах. Там пришлось сжечь 35 тулупов для часовых, а лазаретных вещей полный комплект на 60 человек. Войсковые лазареты были переполнены чумными больными. Административный центр Кавказской Линии город Георгиевск совершенно опустел.

В таком положении находился Северный Кавказ, когда для прекращения эпидемии была учреждена в Георгиевске особая комиссия, под председательством командовавшего войсками Кавказской Линии генерал-от-инфантерии Булгакова. Комиссия была создана 4 июня 1807 года. В чем состояла и какова была деятельность ее, сведений не сохранилось, но только к августу эпидемия заметно ослабла и в русских поселениях Кавказской Линии постепенно прекратилась к декабрю. Возможно, что это было простым совпадением фактов, но прекращение чумы генерал Булгаков всецело приписал, во-первых, принятым комиссией мерам при строгом и неослабном надзоре всех ее членов, и во-вторых, своей собственной решимости. 7 апреля 1808 года он поздравил Министра внутренних дел князя Куракина с повсеместным окончанием эпидемии на линии. Это было бы справедливо, если бы в поздравлении было бы оговорено, что чума прекратилась в русских поселениях, по отношению же ко всей Линии это было неверно, так как в туземных аулах, а также и у горских народов чума все еще продолжалась.

Едва поздравление успело дойти по назначению, как чума вспыхнула в Ногайских аулах Александровского уезда, будучи занесена туда Абазинцами. Тогда по Высочайшему повелению был командирован в Георгиевск из Петербурга член Государственной Медицинской Коллегии доктор Виен. Доктор Виен был признанным специалистом в области заразных болезней. Одновременно с его прибытием на Кавказ была упразднена комиссия и дело борьбы с чумой было возглавлено доктором Виеном. Он посетил зараженные Ногайские и Абазинские аулы и убедился, что эпидемия в них поддерживалась вследствие тайного сообщения ради торговли со свободными горскими народами, у которых чума с 1804 года не прекращалась (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 57).

Таким образом выяснилось, что главная мера, на которую больше всего рассчитывали в деле охранения Кавказской Линии от заноса чумы, а именно полное прекращение сношений с свободными горскими народами, цели не достигла, а между тем неблагоприятно отразилась на торговле и подорвала экономическое благосостояние населения. В виду этого предпочли допустить некоторое облегчение в торговых сношениях жителей Линии с горцами, рассчитывая, что открытое сообщение с ними при соблюдении правил предосторожности и карантинного очищения будет менее вредным, чем тайное сношение без всяких мер против заноса болезни. Генерал Булгаков хотел открыть по Линии целый ряд пунктов для торговли с горцами и хлопотал об открытии с этой целью новых карантиннов, на что, однако, не согласился Главнокомандующий Тормасов, найдя карантинны малонадежными и дорогостоящими учреждениями.

Абазинцам этого было мало. Осенью 1808 года они просили, чтобы карантинный досмотр совершенно отменили, кордонную цепь сняли и дозволили им свободные переезды без военного надзора. Вместе с тем они просили взять от них врачей, так как они им совсем не нужны, и предоставить им самим охранять себя от болезней по своим обычаям. Обычай же их были таковы, что из заразившихся семейств здоровые удалялись в леса, и в саклях оставались только заболевшие; умерших от чумы погребали со всеми религиозными обрядами; имущество и одежду их делили между собой. Понятно, что предложения абазинцев оставлены были без последствий, но вследствие наступивших холодов карантинны перевели из балаганов в сакли, да позволили здоровым выходить из заразившихся семейств, но не удаляться никуда из оцепленного войсками района.

Подвигаясь понемногу к северо-востоку, чума в 1809 году появилась между Аксаевцами и Костюковскими жителями¹, в 70 верстах от Кизляра. Затем она подошла к самому городу, так что благополучный и зараженный районы разделяла только река Терек. Кизляр был тогда самым

¹ И те и другие входили в состав Кумыкского народа.

людным городом Кавказа, имея около 6 тыс. жителей¹ и богатые рыбные промыслы на Тереке. Защитить его от чумы было весьма важно. По Высочайшему повелению город был изолирован, хотя не вполне, так как в него впускались люди и товары из благополучных мест. По Тереку стоял военный кордон, и, кроме того, сами горожане организовали особую стражу, которая следила за тем, чтобы никто из кизлярцев не общался с соседними жителями. Приняты были также меры по немедленному оцеплению участка, где появилось бы сомнительное заболевание. На этот раз Кизляр отделался одним страхом, и 25 мая 1809 года разрешено было, выждавши 80 дней от последнего между Кумыкским народом случая смерти от моровой язвы, открыть Кизляр и дозволить рыболовство по Тереку (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58).

Чума снова стала свирепствовать в обеих Кабардах, угрожая опять распространиться по Линии. Булгакову было предложено незамедлительно привести Маздокскую карантинную заставу «в самое надежное и безопасное состояние, а впредь до совершенного ее устройства воспретить пропуск товаров, чуму в себе приемлющих, по устройству же таковой дозволить пропускать товары все без исключения с строгим очищением по предписанным правилам, также и людей». Всякое сообщение на всех пунктах Линии с горцами и с другими народами, «кои хотя малейшее имеют с ними сношение» было опять запрещено, и кордоны на Линии усилены (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58). При принятии мер по охране Кавказской Линии от внесения моровой язвы произошли несогласия между Булгаковым и Кавказским гражданским губернатором², которые обострились до того, что в 1810 году дошли до сведения Государя по обоюдным их жалобам друг на друга.

Исследовать распространение чумы в Кабардах послали, по приказанию Тормасова, не врача, а поручика Суздальского мушкетерского полка Таганова. Отправившись 19 мая 1809 года, он побывал везде по верховьям реки Кубани вплоть до предгорий Эльбруса и убедился, что чума действительно существовала во многих местах в Кабарде, но особенно свирепствовала в Чегемских горах, смежных с Кабардою со стороны Главного хребта. Старейший из кабардинских владельцев Кучук Джанхотов сообщил Таганову, что чума со времени появления ее в Кабардах никогда совершенно не прекращалась, кабардинцы же старались скрывать ее, чтобы получить беспрепятственный доступ на Линию, и смертность была так велика, что кабардинцев осталась едва пятая часть (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58об.).

Чума появилась также в селениях, лежавших в верховьях Кумы и Подкумка, и особенно сильно пострадали от нее аулы Маргушев, Ашабов, Мехеков и Даутоков. Из Абазинских аулов был заражен только один аул Девлет-Гирея Тамбукаева.

Управлявший обеими Кабардами или, как его называли, главный Кабардинского народа пристав генерал-майор Дельпоцо предложил кабардинским владельцам принять русских врачей, которые показали бы народу средства для борьбы с болезнью. Предложение это они отклонили, прежде всего сославшись на пример абазинских аулов, в которых третий год не прекращалась чума, а между тем принятые русским начальством меры причинили абазинцам много неприятностей, нарушив их религиозные обряды. Затем указали на то, что народ Кабардинский крайне суеверен, чуму считает наказанием, посланным свыше, и в избавлении от нее надеется только на Бога, а потому нельзя быть уверенным, чтобы народ согласился повиноваться наставлениям врачей (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58).

В таком случае оставалось только крепче оградить себя карантинами, и вскоре к существовавшим со стороны Кабарды карантинам в Прохладной и близ Георгиевска прибавился еще новый между штерн-шанцами Константиногорским и Кумским. От последнего по речкам Камлыку, Танлаку и Тахтамыку до Кубани поставили кордонную цепь протяжением в 66 верст, для занятия которой потребовалось 1076 нижних чинов. Срок карантинирования был ограничен 8 днями. Срок этот генералу Дельпоцо показался довольно большим и он ходатайствовал перед Тормасовым о сокращении его на половину, ссылаясь на то, что если применявшиеся тогда в карантинах очистительные средства доктора Крейтона³ действительно верны, то 4 дня полного очищения совершенно достаточно, в это «и для горцев будет не отяготительно и с нашей стороны не сомнительно, но нужно, чтобы карантинные чиновники, комиссар и лекарь, были люди благонадежные и непристрастные к корыстолюбию и мздоимству».⁴

¹ В других городах Кавказской губернии жителей было далеко меньше: в Моздоке 1981 чел., в Георгиевске 709 чел., в Ставрополе 1097 и в Александрове 546.

² Сначала Картвелин, а потом Малинский.

³ Генерал-штаб-доктор гражданской части Крейтон по поручению Государя составил правила для карантинного очищения, предложив и средства для того. В карантине при слободе Прохладной была заведена особая одежда по методу Крейтона на 15 пассажиров, на заведение которой карантину было отпущено 200 рублей.

⁴ Что в карантинах Кавказской и смежной с ней Астраханской губерний были большие злоупотребления – это не составляло особого секрета. О них было доложено Государю, а так как замешанными оказались очень многие лица, то по Высочайшему повелению в 1810 году был послан для ревизии обеих губерний на правах сенатора генерал-майор Вердеревский, которому было предписано наиточнейшее исследовать злоупотребления в карантинах.

В конце 1810 года чума появилась в Дагестане на горах выше Кубачи, в вольных деревнях Емизи, Сулакян и Сирьген. В первой из этих деревень уцелело только 8 семейств, и в остальных двух большая часть жителей вымерла. Нужно полагать, что туда чума была занесена из Ахалциха служившими в турецком войске лезгинами (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58).

Однако никакие, ни просто строгие, ни самые строгие, ни наистрожайшие приказания о прекращении всяких сообщений с горскими народами выполнить было нельзя. Чума тянулась уже несколько лет. И горцы, и жители Кавказской Линии не могли прекратить свои торговые сношения на такой продолжительный период времени, и что было запрещено явно, делалось украдкой, уследить же за этим можно было бы, только располагая громадным количеством войск для двойной кордонной цепи на всем протяжении Кавказской Линии. Чума среди населения горских племен вспыхивала и в более позднее время, например в 1812–1814 гг. (Cherkasov et al., 2016: 383). В конце концов руководители борьбы с чумой сознали это, и, чтобы парализовать опасность от тайных сообщений с горскими народами, окончательно разрешена была на Линии меновая торговля с ними, но только в пунктах, а именно в слободе Прохладной, станицах Наурской, Лащурине (близ Кизляра), крепости Константиногорской и укреплениях Прочноокопском и Усть-Лабинском. Для производства торговли устроили «меновые дворы» при карантинах во всех перечисленных пунктах. Там, где их до того не было, учредили вновь. Правила для торговли были следующие: «ежели кто из горских жителей пожелает сам осмотреть и выбирать своими руками товары, нашими меновщиками привозимые, равно отдавать таковому же осмотру и выбору свои товары, тот непременно должен, прежде нежели впущен будет на меновой двор, выдержать со всем своим имуществом карантин по правилам очищения генерал-штаб-доктора Крейтона; если же которые не захотят выдерживать карантин, то для таковых при употреблении мер осторожности, какие медицинскими чиновниками действительнейшими найдены будут, сделать деревянную огороду или таковую из осмоленных веревок в две параллельные линии, так чтобы в длину протянуты они были сколь можно далее, а в ширину не менее двух сажений. К сей перегородке могут приходиться с одной стороны наши, а с другой горские меновщики, складывать товар свой каждому по своей стороне для осмотра через перегородку без прикосновения (что строго наблюдать) и когда обе стороны согласятся на промен, тогда наши, отдав без малейшего сообщения свой товар горцам, вымененный взамен того у горцев, не прикасаясь к оному, предоставить должны карантинному очищению». Здесь нужно заметить, что все бумажные, шерстяные, шелковые, гарусные и льняные материи, а также шерсть и меха пропускались на меновой двор не иначе, как по предварительном осмотре и очищении в карантинах; остальные же товары прямо пропускались на меновой двор и карантинному очищению подлежали по вымене их.

Сберегла ли себя от чумы Грузия в это время? Нет. Чума ей угрожала с двух сторон. Во-первых, по старому пути со стороны Турции. В 1806 и 1807 годах в карсском и ахалцихском пашалыках в турецком войске между Лазами сильно свирепствовала чума. Жители завезли было ее из карсских селений в дер. Карели. Тотчас же командированный туда старший полковой лекарь Сергеев сумел локализовать этот небольшой очаг, и чума на территорию Грузии дальше не пошла.

Во-вторых, чума обратно шла в Грузию с Северного Кавказа по грузинской дороге. В конце 1806 года появились чумные заболевания в Тагаурском ущелье среди жителей Кайтукиных деревень. Немедленно был устроен в сел. Степан-цминда¹ карантин, в котором осматривал всех проезжавших лекарь Платонович. Однако к осени 1807 года чума перебралась через перевал и появилась в Ананурском уезде. Платонович за слабый осмотр был предан суду по приказанию графа Гудовича, а в Ананурский уезд командировали члена-акушера Грузинской врачебной управы Шаде. Близкая опасность грозила Тифлису. Его защитили тройным карантином: 1) на Кайшаурском посту, 2) в Анануре и 3) в Мцхете, с чумой же стали бороться главным образом огнем (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 600б.).

До того времени хотя и жгли зараженные вещи, но так как по Высочайшему повелению сжигавшиеся пожитки оценивались, и стоимость их должна была выплачиваться, администрация применяла сжигание только к малоценным вещам, обходясь во всех остальных случаях окуриванием. Но вот 28 января 1808 года последовало на имя графа Гудовича Высочайшее повеление «все зараженные пожитки и вещи, для предупреждения всякого к ним прикосновения, впредь предавать огню без всякой оценки». Тогда запылали костры по деревням Ананурского и смежного с ним Тифлисского уездов, расположенных близ грузинской дороги. Жгли вещи, жгли и целые дома. 85 саклей, в которых были умершие от чумы, были сожжены. Распространение чумы было остановлено. Выхвативши в Ананурском уезде 215 жертв, а в Тифлисском только 15, она до Тифлиса не дошла (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 600б.).

Боковыми путями чума пробралась в Картолинию, в Горийский уезд. Ее занесли осетины, приходившие за покупкой соли. Первые случаи появились в грузинском селении Михалдидзеба. Туда вскоре прибыл Горийский уездный врач Коралли. Селение оцепили караулами, и заразу удалось локализовать. Вместе с тем всем жителям ближайших к Осетии деревень было запрещено производить меновую торговлю на соль с осетинами. Последнее распоряжение ударило по экономическому благосостоянию. Осетины тайком прокрадывались в грузинские селенья, а жители

¹ Ныне станция Казбек.

со своей стороны старались поддерживать с ними меновой торг. Пришлось поставить караульных для наблюдения за тем, чтобы осетины не прокрадывались в Карталинию, а для поимки непослушных выслана была воинская команда. Дело дошло до открытого сопротивления жителей трех деревень Белоти, Снехи и Гуртули. Они в числе более 100 человек стреляли в команду и принудили караульных оставить свои посты.

К счастью чума в Карталинии на этот раз ограничилась ничтожным числом заболеваний в пограничных с Осетией селениях. Умерших от чумы было зарегистрировано всего 4.

Благополучное состояние Грузии в течение большей половины 1808 года успокоило Торماسова, и он предполагал даже в 1809 году снять карантинные заставы между перевалом через Кавказский хребет и Тифлисом. Министр внутренних дел князь Куракин разрешил это под личной ответственностью Торماسова. Не желая брать на себя ответственность, он пытался переложить ее на правителя Грузии генерал-майора Ахвердова, который со своей стороны не ручался за то, что с уничтожением Мцхетского карантина чума не будет занесена снова в Грузию горами, имевшими сношение с Грузией и Кабардою и по другим дорогам, минуя Тагаурское ущелье. Благодаря этому Грузия с севера осталась защищенной двумя карантинами – в Коби и Анануре. С запада, со стороны Имеретии, был открыт карантин в Гори.

Чума не скоро еще перестала тревожить Грузию. В апреле 1809 года в деревне Акбулах Бамбакской провинции, в которой квартировала рота 15-го егерского полка капитана Жоржи, были случаи сомнительных по чуме заболеваний. Штаб-лекарь Саратовского мушкетерского полка подтвердил наличность заразы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 610б.). Роту сейчас же подвергли карантинированию, а жителям запретили иметь сообщение с соседними деревнями. Командированный туда оператор Грузинской врачебной управы Воронченков больных чумой не нашел. Два раза он осмотрел поголовно всех солдат-егерей и жителей деревни, обратив особенное внимание на те семьи, где были заболевшие, но никаких подозрительных симптомов не обнаружил, а так как в течение шестинедельного срока новых заболеваний не было, то он прекратил карантинирование и разрешил жителям иметь сообщение со всеми соседними деревнями.

5. Заключение

Таким образом, с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в Кабарде чума сократила население на 80 %.

Литература

Волкова, 1974 – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974.

Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемиологический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612-616.

Туренко, 1887 – Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.

Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304-309.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382-391.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

References

Volkova, 1974 – Volkova N.G. (1974). Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX vv. [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX centuries]. M. [in Russian]

Kotenev i dr., 2016 – Kotenev E.S., DUBYANSKIY V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L. (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremenniy epidemicheskiy

potensial prirodnykh ochagov chумы [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612–616. [in Russian]

Turenko, 1887 – Turenko A.M. (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev, 1887. [in Russian]

Khaidarov, 2017 – Khaidarov T.F. (2017). Epidemii chумы v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304–309. [in Russian]

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382–391.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.

Чума на Кавказе 1801–1815 гг.: часть I

Иван Анатольевич Ермачков ^{a,*}, Лариса Александровна Королева ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ясмин Гут ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается эпидемия чумы на Кавказе в период 1801–1815 гг. Уделено внимание причинам распространения чумы, а также усилиям русской администрации в деле ее преодоления.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии, источники личного происхождения эmissаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература.

В ходе исследования авторами были применены общенаучные традиционные методы, а именно метод системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволила авторам смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это позволило выявить причины слабой эффективности борьбы с чумой на Кавказе в начальный период ее распространения.

В заключении авторы отмечают, что с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в Кабарде чума сократила население на 80 %.

Ключевые слова: эпидемия, чума, 1801–1815 гг., Кавказ, Грузия, Кабарда, Черкесия, обряды населения, традиции.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svechnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)